

Ребекка Маккаи
Запретное чтение

Rebecca Makkai
The Borrower

Ребекка Маккай

Запретное чтение

роман

Перевод с английского

Ирины Филипповой

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44
М15

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии издательства АСТ

Маккай, Ребекка

М15 Запретное чтение : роман / РЕБЕККА МАККАИ ; пер. с английского
И. Филипповой. — Москва: Астрель : CORPUS, 2012. — 480 с.

ISBN 978-5-271-45454-7 (ООО “Издательство Астрель”)

Люси Гулл 26 лет, и в городке Ганнибал она оказалась по воле случая: Люси выбрала работу провинциального библиотекаря, чтобы уехать подальше от чересчур заботливого отца — нелегально разбогатевшего русского эмигранта. Будни Люси однообразны и скучны, однако в ее душе живет страсть к приключениям. В библиотеке девушка знакомится с 10-летним Иэном Дрейком, с которым у нее завязываются доверительные отношения. Больше всего на свете Иэн любит читать, но деспотичная мать запрещает мальчику брать те книги, которые кажутся ей опасными для его психики. К тому же родители подозревают Иэна в склонности к гомосексуализму и отправляют его на религиозные семинары, чтобы наставить сына на путь истинный. Люси соперничает мальчику: она тайком дает Иэну книги, которые ему иначе никогда бы не довелось прочесть. Но одно утро круто меняет жизнь обоих: Люси находит Иэна в библиотеке, где тот провел ночь. Мальчик ушел из дома и просит его не выдавать. Люси не знает, что ей делать, но понимает: от ее решения зависит судьба ребенка.

“Запретное чтение” — первый роман американской писательницы Ребекки Маккай, который вошел в десятку лучших дебютных книг, по мнению Booklist.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-271-45454-7 (ООО “Издательство Астрель”)

- © Rebecca Makkai Freeman, 2011
- All rights reserved
- © И.Филиппова, 2012
- © А.Бондаренко, художественное оформление, макет, 2012
- © ООО “Издательство Астрель”,
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Иэн очень расстраивался, если в книгах не было пролога</i>	7
Глава 1. Книжный час	10
Глава 2. Неприятности в городе на Реке	21
Глава 3. Рука Ничто	33
Глава 4. Ковчег	55
Глава 5. Благотворительный вечер	60
Глава 6. Луна из бумаги, только и всего	75
Глава 7. Смелый барабанщик.	83
Глава 8. Если дать библиотекарше шкаф	90
Глава 9. Предшественник	93
Глава 10. Идиотизм	110
Глава 11. Тыквоголовый.	118
Глава 12. За неделю до	126
Глава 13. Из хоббитской норы	131
Глава 14. Вниз по кроличьей норе.	143

Глава 15. Гимн	164
Глава 16. Голова на копье	171
Глава 17. Рога Дебюсси	182
Глава 18. Шоколадная фабрика, Ленинград.	192
Глава 19. Смелость, сердце и мозги.	205
Глава 20. Беглец	217
Глава 21. Выбери себе фиаско.	236
Глава 22. Если бы у меня не было языка.	240
Глава 23. Раз огонек, два огонек	248
Глава 24. Лабазников с беконом	256
Глава 25. Нация беглецов	269
Глава 26. Гласс – зоркий глаз	282
Глава 27. БДВ	295
Глава 28. Изумрудный штат.	315
Глава 29. Мошенники	338
Глава 30. Где Иэн?	360
Глава 31. Север.	362
Глава 32. Обманщики	373
Глава 33. О, Канада!	390
Глава 34. Битва при Гавре	402
Глава 35. За задержку книг взимается штраф	419
Глава 36. Люси трижды стучит каблуком о каблук	440
Глава 37. На время бы покинуть эту землю.	447
Глава 38. Жара не спадала	454
Глава 39. Тим из машины.	462
<i>Если в книге не было эпилога,</i> <i>Иэн часто сам придумывал его</i>	<i>474</i>

Иэн очень расстраивался, если в книгах не было пролога

В этой истории я, пожалуй, главный злодей. Но вообще трудно сказать, даже теперь.

Там, в библиотеке, из всех книг вообще и тех, что о Древнем Египте, детям больше всего нравилась картинка, изображающая проводника в царство мертвых: он взвешивает сердце умершего, проверяя, чтобы оно было не тяжелее птичьего пера, лежащего на другой чаше весов. Ну что ж, пока буду утешаться этой мыслью: в один прекрасный день я узнаю, насколько тяжела моя вина.

Я оставила всех, кого знала. Я нашла себе другую библиотеку, с дубовыми стенами и железными перилами. Это университетская библиотека, и читатели тут заранее знают, что им нужно. Пока я взглядом сканирую выбранные ими книги, они стоят в этом своем кофейновом тумане и едва меня замечают. Ничего общего с нашей старенькой кирпичной библиотекой с замызганным ковролином, разве

что книги все те же: такие же корешки, такие же желтые наклейки с кодом. Я знаю, что там у них у всех внутри. Они шепчут мне со своих полок все, что думают о моем поступке.

Беглецы и похитители выглядывают из книг и признают меня за свою. Они советуют мне поскорее удрать на индейскую территорию¹ и полагают, что мне, как и им, прямая дорога в ад. Они говорят, что никогда в жизни не видели, чтобы кто-нибудь врал лучше меня. А этот-то, развратник-лепидоптерист с верхней полки с указателем “НАБ”, сидит, бормочет что-то нечленораздельное и помешивает коктейль из водки с ананасовым соком. Позвольте мне перевернуть его слова (можете всегда положиться на библиотекаря в отношении подражательности прозы²): “Уважаемые присяжные женского и мужского пола! Экспонат Номер Первый представляет собой то, чему я так завидовала, то, что надеялась исправить. Полюбуйтесь-ка на эту книжную тюрьму”³.

1 Автор отсылает к одной из последних фраз в романе Марка Твена “Приключения Гекльберри Финна” (1884). В оригинале: “Я, должно быть, удеру на индейскую территорию раньше Тома с Джимом, потому что тетя Салли собирается меня усыновить и воспитывать, а мне этого не стерпеть”. Цит. по: Твен М. Приключения Гекльберри Финна. М., 1977. Перевод Н. Дарузес.

2 Автор переиначивает цитату из романа Владимира Набокова “Лолита” (1955). В оригинале: “Можете всегда положиться на убийцу в отношении загейливости прозы”.

3 Автор переиначивает цитату из романа Владимира Набокова “Лолита” (1955). В оригинале: “Уважаемые присяжные женского и мужского пола! Экспонат Номер Первый представляет собой то, чему так завидовали Эдгаровы серафимы — худо осведомленные, простодушные, благороднокрылые серафимы... Полюбуйтесь-ка на этот клубок терний”.

До того как все это началось, я как-то сказала Рокки, что однажды рассортирую свои книги по именам главных героев, в алфавитном порядке. И теперь мне ясно, где оказалась бы я сама: Гулл, втиснутая аккурат между Геком и Гумбертом. Но вообще-то эту историю следует разместить под словом “Дрейк” — это фамилия Иэна, мальчика, которого я похитила. Потому что, даже если главный злодей в этой истории не я, героем меня тоже никак не назовешь. Да что там героем — тут вообще не обо мне речь.

1

Книжный час

Каждую пятницу в половине пятого они рассаживались, скрестив ноги, у стеллажа с иллюстрированными книжками на коричневом мохнатом коврике и задумчиво ковырялись в его корке из грязи, блесок и засохшего клея “Элмерс”.

У меня было пятеро постоянных слушателей, причем двое из них являлись все семь дней в неделю, если предоставлялась такая возможность. Иэн Дрейк приходил с ветрянкой, со сломанной ногой. Он приходил даже в те дни, когда чтение вслух отменялось, — сидел на своем привычном месте и читал вслух сам себе. А еще каждую неделю появлялось двое-трое новеньких — из тех, чьим родителям понадобилось заняться своими делами. Эти несчастные ерзали и так и эдак, слушая восьмую и девятую главы из книги, которая была им незнакома, и занимали себя тем, что выдергивали нитки из носков и просовывали их себе между зубов как стоматологическую нить.

В ту осень, пять лет назад, мы были на середине “Матильды”¹. В один из дней на четвертой неделе чтения Иэн на всех парах подлетел ко мне перед самым началом Книжного часа:

— Я сказал маме, что мы опять читаем “Маленький домик в больших лесах”². Думаю, “Матильде” она не слишком обрадовалась бы. Она даже “Фантастическим мистером Фоксом”³ была недовольна.

Запустив руку в волосы, он убрал со лба челку и с надеждой посмотрел на меня:

— *Capisce* — понимаете? — спросил он.

Я кивнула и добавила:

— Не стоит напрасно тревожить твою маму.

Мы еще не добрались до той части, где начинается волшебство, но Иэн уже читал эту книжку — тайно, присев на корточки на полу у полки Роальда Даля. Он знал, что там будет дальше.

Он радостно поскакал от меня вдоль полок с биографической литературой, а потом медленно двинулся обратно мимо научных книг, склонив голову набок, чтобы удобнее было читать названия на корешках.

Тут сзади ко мне подошла Лорейн — Лорейн Бест, старший библиотекарь, которая, к счастью, не услышала ни слова из нашего тайного сговора. Она окинула взглядом первых детей, собравшихся на коврик. Иногда по пятницам она спускалась

1 “Матильда” (1988) — детская книга британского писателя Роальда Даля.

2 “Маленький домик в больших лесах” (1932) — детская книга американской писательницы Лоры Инглз Уайлдер.

3 “Фантастический мистер Фокс” (1970) — детская книга Роальда Даля.

к нам, чтобы улыбнуться и приветливо кивнуть матерям, которые приводят сюда своих детей, будто она имела какое-то отношение к Книжному часу. Будто после того, как однажды она три минуты почитала “Зеленые яйца и ветчину”¹, половина детей не расплакалась, а вторая не подняла руку, чтобы спросить, добрая она колдунья или злая.

Иэн снова исчез, а потом зашагал вдоль стеллажа с историей Америки, касаясь правой рукой каждой книги на верхней полке.

— Он вообще когда-нибудь отсюда уходит? — шепнула мне Лорейн. — Этот гомосексуальный мальчик?

— Ему десять лет! — возмутилась я. — О какой сексуальности тут вообще может идти речь?

— Прости, Люси! Я ничего не имею против этого мальчика, но, что бы ты ни говорила, он — гей.

Она произнесла эти слова с тем же самодовольным видом, с каким мой отец говорил: “Офелия, моя чернокожая секретарша”, всякий раз исполняясь гордости за широту своей души.

Иэн был уже в секции художественной литературы, он стоял на цыпочках и тянул с верхней полки большой зеленый том. Что-то детективное: на корешке голубая наклейка с человечком, который смотрит через увеличительное стекло. Иэн уселся на пол и начал читать с самой первой страницы с таким видом, словно в этой книге заключены все тайны мироздания и каждую из них можно разгадать, дочитав до 132-й страницы. В его очках

1 “Зеленые яйца и ветчина” (1960) — книга американского писателя Доктора Сьюза.

отражался свет люминесцентных ламп — два желтых диска над раскрытой книгой. Он не сдвинулся с места, пока остальные дети не стали усаживаться и Лорейн не нагнулась к нему со словами: “Все тебя ждут”. Никто его не ждал — Тони еще даже не снял куртку, — но Иэн поспешил через весь зал к нам, не вставая с пола и не отрывая глаз от страницы, а просто подтягивая себя ногами.

В тот день детей было пятеро, все — мои постоянные слушатели.

— Ну что ж, — начала я, надеясь, что теперь Лорейн наконец удалится. — На чем мы остановились?

— Мисс Транчбулл кричала, потому что они не знали таблицу умножения, — ответила Мелисса.

— И она кричала на мисс Хани.

— Они учились умножать на три.

Иэн громко вздохнул и поднял руку.

— Да, Иэн?

— Все это было две недели назад. А в последний раз мы оставили нашу героиню в тот момент, когда она узнает об успехах мисс Транчбулл в метании молота и о том, какие орудия пыток хранятся у директрисы в кабинете.

— Спасибо, Иэн, — кивнула я, и он в ответ расплылся в улыбке.

Лорейн закатила глаза — то ли в мой адрес, то ли в адрес Иэна — и, пошатываясь на каблуках, направилась обратно к лестнице. Мне почти всегда приходилось обрывать Иэна, но он не возражал. Не знаю даже, что бы такое мне пришлось сделать, чтобы оттолкнуть его от себя — разве спалить до-

гла всю библиотеку. Я хранила в столе “Истории неудачника из четвертого класса”¹ и тайком подсовывала ему всякий раз, когда он приходил без няни. Почти каждый день на прошлой неделе он после обеда мчался на наш этаж и, задыхаясь от бега, вытягивал шею, чтобы посмотреть, на месте ли книга.

В те дни, когда долгая зима еще не наступила, Иэн напоминал надутый гелием воздушный шарик. Не только смешным голосом, но еще и манерой разговаривать с высоко поднятой головой, глядя куда-то вверх и подпрыгивая на месте, будто ему с трудом удается не оторваться от земли.

“А предшественники-то у него были?” — спрашивает Гумберт.

Нет. Не было. Прежде я никогда еще не встречала никого, похожего на Иэна.)

Всякий раз, когда не удавалось найти на книжных полках ничего, что бы ему понравилось, он подходил к моему столу, наваливался на него грудью и спрашивал:

— Что же мне почитать?

— “Как прекратить ныть”, — отвечала я ему. — Или “Введение в электронный каталог”.

Но он-то знал, что я шучу. Он знал, что это мой самый любимый вопрос на свете. И я каждый раз непременно что-нибудь для него подбирала. То “Мифы Древней Греции”², то “Колесо на кры-

1 “Истории неудачника из четвертого класса” (1972) — детская книга американской писательницы Джуди Блюм.

2 “Мифы Древней Греции д’Олэр” (1961) — собрание древнегреческих мифов, подготовленное супругами Ингри и Эдгаром Парен д’Олэр. Книга стала для американских детей чем-то вроде “Мифов Древней Греции” Н. А. Куна для русских.

ше”¹. Обычно Иэну нравились выбранные мною книжки, а мифы произвели на него такое сильное впечатление, что он потом еще месяца два бредил мифологией.

Лорейн заранее предупредила меня о сложностях с матерью Иэна, и я внимательно следила, чтобы у книг, которые он читает, были безобидные названия и приятные обложки. Ничего устрашающего, никаких “Игр в Египет”² и тому подобного. Когда Иэну было восемь лет, он как-то раз пришел к нам вместе с няней и взял “Театральные туфельки”³. На следующий день он вернул книгу в библиотеку, потому что ему разрешали читать только “мальчишеские книги”.

К счастью, его мать, похоже, не слишком хорошо разбиралась в детской литературе. Поэтому мимо ее радара проскользнули незамеченными “Моя сторона горы”⁴ и “Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире”⁵. Я только потом сообразила, что в обеих книгах рассказывалось о побегах, но, честное слово, тогда мне это и в голову не пришло.

Мы прочитали две главы, и я стала тянуть время до пяти тридцати, когда половина мам будет впри-

- 1 “Колесо на крыше” (1954) — роман нидерландско-американского писателя Мейндерта Дейонга.
- 2 “Игра в Египет” (1967) — роман американской писательницы Зилфы Китли Снайдер.
- 3 “Театральные туфельки” (1944) — детская книга английской писательницы Ноэль Стритфилд.
- 4 “Моя сторона горы” (1959) — роман американского писателя Джина Крейгхеда Джорджа.
- 5 “Из архива миссис Базиль Э. Франквайлер, самого запутанного в мире” (1967) — роман американской писательницы Элейн Л. Конигсбург.

прыжку спускаться к нам по лестнице в теннисных юбках, а другая — выбираться с младенцами из отдела книжек для самых маленьких.

— Кто в этой книге положительный герой? — спросила я.

Это был простой вопрос. Положительный герой во всех детских книгах — главное действующее лицо. Тут редко можно встретить антигероя или ненадежного рассказчика.

Аарон отвечал так, будто репетировал ответ несколько дней:

— Положительный герой в этой книге вообще-то Матильда, но и мисс Хани тоже, типа, положительный герой, потому что она очень хорошая.

— А кто здесь главный злодей?

— Миссис Кранчибул! — заорала Тесса. — Хоть она и директорша! А директорши обычно хорошие!

— Да, — сказала я. — Пожалуй, ты права.

Отрицательному персонажу совсем не обязательно быть мужчиной в черной маске: дети все равно за версту чувят злодейство. И самые сообразительные понимают, что злодеи бывают разные.

— Ведь главным злодеем может оказаться кто угодно, — продолжила Тесса. — Например, кролик в огороде — тоже злодей!

— А чьи-нибудь родители могут оказаться злодеями? — спросила я. Мне хотелось намекнуть на никчемных, помешанных на телевизоре маме и папе Матильды, которые в книге также исполняли роли антагонистов.

— Ага, — сказал Джейк. — Например, если у твоей мамы есть пистолет.

Это были мудрые, современные дети, и они прекрасно знали: родная мать может запросто оказаться ведьмой, соседский ребенок — преступником. А библиотекарьша — воровкой.

Пускай городок, в котором произошло преступление, называется Ганнибал, штат Миссури. (Конечно, существует и реальный Ганнибал — живет себе потихоньку за счет туристов — поклонников Марка Твена и теплоходных прогулок по реке. Я одолжу у него только название.) В Ганнибале, о котором пойдет речь, никакой реки нет, зато через весь город пролегает автомагистраль, и если вы просто проедете мимо и увидите из окна машины только “Макдоналдс”, офис корпорации “Ситго”, грязь, кукурузные поля, облако автомобильных выхлопов, вам и в голову не придет, что где-то позади всего этого есть обнесенные живой изгородью газоны, школы, над которыми развеваются еще не истрепанные флаги, большие дома в западной части города и дома поменьше — в восточной, а перед каждым из этих домов — гравийная дорожка и новенький блестящий почтовый ящик.

Ну и неподалеку от главной улицы — библиотека, кирпичное здание безнадёжной архитектуры семидесятых годов, украшенное транспарантами “Праздника осени” и тремя литыми белками ростом в полчеловека. Белки стояли с высоко поднятыми головами, будто почетный караул у входа в библиотеку и у ящика возврата книг. Прежде чем толкнуть тяжелую входную дверь, любой ребенок норовил

непрерывно дотронуться до каждой белки, смахнуть снег со всех трех хвостов или даже забраться самой высокой на голову. Все дети были уверены, что делают при этом нечто противозаконное. Они кубарем скатывались по лестнице к нам на цокольный этаж, все, как один, с красными щеками. Они проходили мимо моего стола в ярких дутовых куртках. Некоторые улыбались мне, некоторые орали во всю глотку: “Здравствуйте!”, а некоторые старались на меня вообще не смотреть.

Мне было двадцать шесть, и я значилась старшим библиотекарем детского отдела лишь потому, что не возражала против более длинного рабочего дня, чем у обеих моих сотрудниц Сары-Энн и Айрин, которые были куда старше меня и к работе в библиотеке относились как к волонтерской деятельности — словно они бесплатно трудились в столовой для бездомных.

— Какое счастье, что они уделяют нам время, — говорила Лорейн.

Они и в самом деле иногда проявляли удивительную активность и принимались переустраивать целые залы от пола до потолка.

К тому времени я уже четыре года как окончила университет, снова начала грызть ногти и сократила число своих взрослых друзей до двух. Я жила одна в квартире, которая находилась через два города от Ганнибала. Самая обыкновенная старая дева — библиотекарьша.

А вот, для протокола, состав моих генов, указывающий на легкую склонность к преступному по-

ведению, наследственную тягу к побегам и хромосомную предрасположенность к пожизненному самобичеванию.

ЧЕРТЫ, УНАСЛЕДОВАННЫЕ ОТ ОТЦА

- Страсть к густому кофе.
- Две шишки на лбу, по одной над каждым глазом, чуть ниже линии волос. (Не родовая травма, не падение на пол сразу после рождения: медсестры в роддоме растерянно ощупывали мой лоб, а отец показывал им свой, чтобы немного прояснить ситуацию. И если мы с ним не главные злодеи в этой истории, то с чего бы у нас обоих эти семейные рога?)
- Бунтарский нрав, появившийся в нашем роду еще до рождения моего прадеда-большевика.
- Полфамилии: один нью-йоркский судья сократил Гулькинов до Гулл¹, но удачная шутка оказалась недоступна иммигрантскому слуху моего отца, который стоял перед судьей, устало опустив плечи, и действительно больше походил на пустую кожуру, оставшуюся от того человека, которым он был в России.
- Белесые русские волосы, цвета пустоты или чего-то вроде этого.

1 От *англ. bull* — пустой стручок, шелуха.

- Семейный герб, который отец пронес от самой Москвы на толстом золотом перстне: изображение человека с книгой в одной руке и с отрубленной головой, насаженной на копье, в другой. (Этот представитель рода Гулькиных, самый знаменитый из всех нас, был ученым и жил в семнадцатом веке, но, услышав зов трубы с полей сражений, забросил книги и отправился защищать не то честь, не то свободу, не то справедливость. Ну и кто завершает наш славный род? Я — библиотекарь-преступница из двадцать первого века.)
- Глубокое русское чувство вины.

ЧЕРТЫ, УНАСЛЕДОВАННЫЕ ОТ МАТЕРИ

- Американско-еврейское чувство вины глубокой примерно в милю.

Таковы наши место действия и главные действующие лица. Все уютно устроились на мягких пуфиках? Тогда мы, пожалуй, начнем.

(“А куда папа пошел с топором?” — спросила Ферн¹.)

1 Цит. по: *Уайт Э.-Б.* Паутина Шарлотты. Перевод С. Черфаса.